

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-51-62

УДК 130.2:2

СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ XIX СТОЛЕТИЯ

Вознякевич Е.Е.

Цель. Целью статьи является выявление базовых компонентов представлений о специфике профессиональной деятельности ученого с точки зрения отечественной философской традиции.

Результаты. Проанализированы работы влиятельных отечественных философов XIX – начала XX века. Делается вывод о том, что процесс научного познания предполагает добровольное ограничение познавательных возможностей человека. Как следствие, научное знание не обладает эпистемологическим приоритетом.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть использованы для объяснения отечественной традиции взаимодействия научного сообщества и других социальных групп.

Ключевые слова: русская философия; ученый; научное знание.

SPECIFICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN PROFESSIONAL ACTIVITY OF SCIENTIST IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF XIX CENTURY

Vozniakovich E.E.

Purpose. The aim of the article is to identify the basic components of representations of the specifics of the professional activity of the scientist from the perspective of Russian philosophical tradition.

Results. The works of influential domestic philosophers XIX – early XX century was analyzed. The conclusion is that the process of scien-

tific knowledge involves the voluntary limitation of human cognitive capabilities. As a consequence, scientific knowledge does not have the epistemological priority.

Practical implications. *The results can be used for explanation of the domestic tradition of interaction of the scientific community and other social groups.*

Keywords: *Russian philosophy; scientist; scientific knowledge.*

Попытки осмысления места и роли ученого в интеллектуальной жизни общества начинаются в России довольно рано. Уже в XIX веке возникает вопрос о том, кого следует называть ученым. Пожалуй, можно согласиться с теми специалистами [2, 8], которые считают, что наиболее известной концептуальной схемой становится та, которая была разработана А.И. Герценом в его статье «О дилетантизме в науке». Он вводит четкое разделение ученых, дилетантов в науке и людей дела. Каждый из них, так или иначе, связан с научным знанием. Просвещенческий пафос, разделяемый А.И. Герценом, находит свое отражение в восторженном отзыве о возможностях науки, которая имеет все средства для изменения мира к лучшему. Но, парадоксальным образом, ученый оказывается выключенным из социальной жизни. Они увлечены поиском истины больше, чем реальным преобразованием жизни. Высокое доверие к научному знанию сопровождается недоверием к ученому. «Люди отворачиваются от науки, так, как ученые от людей» [5, с. 46]. Дилетанты же склонны искать в научных теориях ответы на все вопросы, но не понимают сущности научного поиска, принимая научное знание как догмат. Такое отношение, как пишет А.И. Герцен, убивает мысль. Есть и третья категория, которую он называет людьми дела. Их главной отличительной чертой оказывается наличие образования, дающего им возможность сформировать цельное мировоззрение. Именно они, в отличие от дилетантов, владеют знанием, а владея знанием, в отличие от ученых, действуют. Одной из важных черт ученого А.И. Герцен считает его узкую специализацию. «Ученые разобрали по ключ-

ку поле науки и рассыпались по нем; ... они утратили широкий взгляд и сделались ремесленниками, оставаясь при мысли, что они пророки. На их поте, на их утомительном труде целых поколений возросла истинная наука – и работники, как всегда бывает, всего менее воспользовались результатом своего труда» [5, с. 50]. Как видим, с одной стороны, специализированное знание лишает ученого возможности это знание применить, поскольку его главной целью является не преобразование мира, а поиск истины, с другой – такое положение вынуждает ученых замыкаться в своем профессиональном сообществе. А.И. Герцен называет научное сообщество «кастой», подчеркивая восприятие данной профессиональной группы общественным сознанием. Их знание не доступно большинству, в силу этого выступает как сакральное. Хуже всего, что и само сообщество отчасти воспринимает его именно так. «Никак не можно думать, чтоб специально ученый имел большие права на истину; он имеет только большие притязания на нее. ... цеховой ученый вне своего предмета за что ни примется, примется левой рукой. Он не нужен во всяком живом вопросе. Он всех менее подозревает великую важность науки; он ее не знает из-за своего частного предмета, он свой предмет считает наукой» [5, с. 54].

Таким образом, кастовый характер существования научного сообщества обусловлен спецификой производимого им знания, но, в то же время, воспроизводится самими учеными (подробнее об этом см.: [4]). Данное обстоятельство создает условия для развития такого явления как дилетантизм. В этом смысле, ученый рассматривается А.И. Герценом как, своего рода, ущербный социальный субъект, не обладающий полнотой собственно человеческого бытия. Такая ущербность определяется не свойствами субъекта, а характером научного знания, производством которого занят исследователь. Здесь Герцен следует в русле уже более или менее оформившейся установки. Такую же ущербность научного разума подчеркивает и П.Я. Чаадаев, который во многом определяет основной вектор рефлексивного отношения

русской философской мысли к науке. В «Философических письмах» он пишет: «... человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутренней своею силой, а направляется непременно извне. Следовательно, настоящая основа нашей умственной мощи в сущности не что иное, как своего рода *логическое самоотречение*, однородное с самоотречением нравственным и вытекающее из того же закона» [14, с. 71–72]. Как видно из приведенной выше цитаты, П.Я. Чаадаев рассматривает деятельность ученого как благородную, но ущербную. Но в отличие от А.И. Герцена, эту неполноценность знаний ученого он объясняет скорее в духе Ф. Шеллинга. Дело в том, что эти знания обусловлены факторами, внешними по отношению к человеческому сознанию. Не будучи осмысленными в более широком мировоззренческом контексте, знания, добываемые наукой, имеют предел и сами ограничивают свободу человека, его творческий потенциал. Оставаясь в рамках познавательных практик, развитых наукой, мы ограничиваем себя как человеческое существо, становимся не вполне людьми. «Как видите, все положительное в науках, называемых точными, исходит из того, что они занимаются *количествами*; иными словами, предметами ограниченными. Естественно, что ум, имея возможность полностью объять эти предметы, достиг в познании их высочайшей достоверности, ему доступной. Но вы видите также и то, как ни значительно прямое наше участие в создании этих истин, мы их все же не из себя извлекаем. Первые идеи, из которых истекают эти истины, даны нам извне» [14, с. 84]. П.Я. Чаадаев, таким образом, указывает на зависимость ученого в своем научном поиске, на обусловленность его знания тем, что является внешним по отношению к нему. Доступная уму ученого достоверность отличается от истинности, поскольку сама специфика познавательных процедур, используемых ученым, делает неизбежным признание границ. Границы эти являются, согласно П.Я. Чаадаеву, не результатом методологического ограничения, носящего условный характер, а заданы как объективно непреодолимые. Но они, в то же время, не

обладают онтологическим статусом. Ум ученого, дойдя до этих границ, не достигает полноты знания. П.Я. Чаадаев не указывает прямо на источник такой ограниченности, но приводимое им описание способов функционирования подобных границ дает основание предположить, что само речь идет о конвенциональных границах, которые произвольно устанавливаются познающим разумом. Но они, как отмечают многие авторы [9; 16], не подчинены индивидуальной воле познающего субъекта, который, в свою очередь, воспринимает их как принудительные. Занимая позицию ученого, познающий субъект принимает те ограничения, которые исторически сложились в рамках научного сообщества на данном этапе развития науки. Таким образом, ученый, в силу того, что имеет дело с предпосылочным знанием, обречен иметь дело не с истиной, а лишь с доступной для него степенью достоверности.

Схожую позицию занимают и многие славянофилы. Например, И.В. Киреевский утверждает, что результаты труда ученого могут быть приняты как общезначимые только после прохождения ими процедуры философского осмысления. «Каждое явление в общественной жизни и каждое открытие в науках ложится в уме человека далее пределов своей видимой сферы и, связываясь с вопросами общечеловеческими, принимает рационально-философское значение» [6, с. 315]. В этом смысле, ученый, занятый только поиском научных истин, не достигает полноты мысли. Но И.В. Киреевский идет дальше, чем П.Я. Чаадаев и А.И. Герцен, указывая на то, что такая неполнота лишает смысла умственную деятельность как таковую. Точно так же, как религиозные размышления не могут вести нас к постижению истины без целостного осмысления мира. И науку, и религию мыслитель рассматривает как крайности, которые могут обрести свое единство только в рациональной философии. Именно в ней они получают свою цельность, завершенность, смысл. «Ибо развитие мышления, дающее тот или другой смысл всей умственной жизни, или, лучше сказать, развитие философии, обуславливается соединени-

ем двух противоположных концов человеческой мысли: того, где она сопрягается с высшими вопросами веры, и того, где она прикасается развитию наук и внешней образованности» [6, с. 345].

Так же, как и А.И. Герцен, И.В. Киреевский обвиняет ученых в том, что их оторванность от цельного знания, его односторонность, ведет к тому, что научное знание становится для широких масс людей догмой, предметом веры. Более того, подменяя собой религию, научное знание лишает человека шанса достичь цельности, осмысленности своей познавательной, и, шире, мыслительной деятельности. Ученые, по его мнению, должны быть более других заинтересованы в поиске философского осмысления собственных результатов. Обращение ученого к философии является, в некотором смысле, его моральным и профессиональным долгом. «... что нынче вывод кабинетного мышления, то завтра будет убеждением масс; ибо для человека, оторванного от всех других верований, кроме веры в рациональную науку, и не признающего другого источника истины, кроме выводов собственного разума, судьба философии делается судьбой всей умственной жизни. В ней не только сходятся все науки и все житейские отношения, и связываются в один узел общего сознания; но из этого узла, из этого общего сознания, снова исходят правительственные нити во все науки и во все житейские отношения, дают им смысл и связь, и образуют их по своему направлению» [7, с. 72]. Выходом из такой односторонности должна стать связь между универсализмом науки и подлинно народным духом. Как отмечает Ю.Ф. Самарин: «Мы приходим к убеждению, что именно народность мысли, определяя как бы специальное ее назначение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания» [10, с. 406].

Подчеркивает неполноту научного знания и Вл. Соловьев. Но, в то время как И.В. Киреевский принимает стремление к постижению истины в качестве подлинного мотива деятельности ученого, Вл. Соловьев ставит под сомнение декларируемую цель научного исследования. В этом смысле, в отличие от И.В. Киреевского,

который предлагает ученому дополнительный инструмент для достижения его собственных профессиональных целей, Вл. Соловьев указывает на то, что сам характер профессиональной деятельности ученого не предполагает его самостоятельности в постановке таких целей. Условно говоря, ученый всегда имеет дело с предпосылочным знанием, что делает его несвободным в поиске истины. Ученый – человек, который добровольно ставит предел своему мышлению. «Наука имеет дело с веществами и силами, но что такое в сущности вещество и сила – этот вопрос не входит в ее задачу, и если ученый услышит от метафизика, что вещество в сущности есть представление, а сила в сущности есть воля, то он, в качестве ученого, не может ничего сказать ни за ни против этого утверждения» [11, с. 53].

Попытка разобраться с целью и смыслом деятельности ученого предпринимает и П.А. Флоренским. Принимая во внимание формирующуюся от П.Я. Чаадаева традицию рассмотрения научного знания как в чем-то ущербного, П.А. Флоренский признает, что в этом случае речь не может идти о поиске истины. Такое позиционирование учеными своей деятельности оказывается некоторой формой лукавства или заблуждения. Если это заблуждение воспроизводится самими учеными, не только в силу теоретических и эпистемологических, но и социальных мотивов, то наука утрачивает саму себя, начинает подменять религию. Но такая подмена сама по себе разрушительна, поскольку ученый не способен сделать то, что должен делать священник. Каждый из них имеет свои задачи, владеет инструментарием для достижения собственных целей, которые не являются взаимоисключающими. С целью сохранения возможности движения к истине необходимо разобраться с подлинными функциями науки. П.А. Флоренский внимательно анализирует, что именно делают люди, за которыми закрепился статус ученых. Он приходит к выводу, что деятельность исследователя может быть описана как работа по формированию специфического языка описания мира. Именно описание действительности есть подлинная цель науки. Ученый

не открывает тайн природы, а создает язык, позволяющий эти тайны выразить, сделать явными. «Но всегда останется общее основаноначало всех наук – именно то, неотделимое от существа их, что все они суть описания действительности. А это значит: все они суть язык и только язык» [12, с. 62]. Схожие идеи разделяют и такие, казалось бы разные, авторы, как С.Л. Франк [13, с. 145–156] и Б.Н. Чичерин [15, с. 26–39].

Интересно, что даже такие сторонники естественных наук, как В.И. Вернадский, утверждают некоторую несамостоятельность научного поиска, зависимость ученого. «Наука и научная работа отнюдь не являются, взятые в целом, результатом *только* работы отдельных ученых, их сознательного искания научной истины» [3, с. 47]. В.И. Вернадский подчеркивает, что ученый не является единственным создателем научного знания. Он живет среди людей, которые, не будучи вовлечены в сам процесс исследования, тем не менее являются не менее важным источником новых, собственно научных знаний. Ученый не свободен и зависим в своей деятельности. С одной стороны он ограничен собственным предметом познания, с другой – своей социальной средой. Такая ограниченность его способности к индивидуальному самовыражению через творчество не лишает его если не человеческой сущности, то чего-то важного, связанного с индивидуальностью, с его самостью. Профессия ученого жертвенна, но отчасти бесчеловечна. Как отмечает Бердяев, речь не идет о том, что ученый лишен свободы, скорее следует различать степени свободы. «Активный характер научного познания объективированного природного мира выражается прежде всего в практическом, техническом воздействии на природу. Но в ученом, делающем открытие, неизбежно действует свобода. Дух организует материю, и по нисходящим ступеням от духа к материи происходит ущербление его свободы. Поэтому нужно говорить о разных ступенях свободы, о метаморфозах самой свободы. То, что на высших ступенях есть творческое вдохновение, само себя оправдывающее, на низших ступенях, более близких к материи, есть труд» [1, с. 262].

Таким образом, как мы видим, на протяжении XIX века в русской общественной мысли формируется довольно специфический образ ученого. Пожалуй, самым существенным в нем является некоторое заблуждение по поводу подлинных целей собственной деятельности. Декларируя в качестве содержания собственной деятельности поиск истины, ученый игнорирует свою неспособность ее достигнуть. Такой образ действия способен породить подозрение в своеобразной корысти, стремлении монополизировать истину сохранить свой статус избранности. Но эти же авторы отменяют это подозрение, подчеркивая общественную полезность производимого учеными знания, а так же благородство ученого, добровольно жертвующего творческой свободой во имя решения стоящих перед ним задач. Такое самоограничение Н.А. Бердяев именуется трудом, более низкой ступенью свободы. Но отказ от собственной свободы происходит во имя общества. В этом смысле ученый – особый персонаж, который будучи достоин уважения и признания, тем не менее, рассматривается как ущербный субъект, неспособный к полной реализации себя в своем деле. Такое амбивалентное отношение к фигуре ученого, формировавшееся в отечественной философии может служить признаком специфической иерархии познавательных практик, которая присутствует в отечественной философской традиции.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ 16-13-40003 а(р).

Список литературы

1. Бердяев Н. Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. 381 с.
2. Бурова М.Л. Образы науки в русской философии XIX–XX веков: текст лекций. Санкт-Петербург: ГУАП, 2013. 53 с.
3. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.

4. Вознякевич Е.Е. Герцен о социальной функции науки: от науки к образованию // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России: материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (20–21 июня 2012 г.). Москва: Канон+, 2013. С. 362–370.
5. Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Герцен А.И. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 3. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1956. С. 5–88.
6. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 293–332.
7. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2006. 112 с.
8. Мамчур Е.А. А.И. Герцен о философии, науке и реализме // Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России: материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена (20–21 июня 2012 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [ред.-сост.: А.Ф. Яковлева, В.Л. Шарова]. Москва: Канон+, 2013. С. 380–386.
9. Нугаев Р.М. Смена развитых научных теорий: ценностные измерения // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 124–135.
10. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Самарин Ю.Ф. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 399–408.
11. Соловьёв Вл.С. Чтения о богочеловечестве Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»: Краткая повесть об Антихристе. СПб.: «Худож. Лит.», 1994. 528 с.
12. Флоренский П.А. У водоразделов мысли: т. 2. М.: Правда, 1990. 448 с.
13. Франк С. Религия и Наука в современном сознании // Путь. 1926. № 4. С. 145–156.
14. Чаадаев П.Я. Философические письма // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 623 с.
15. Чичерин Б.Н. Наука и религия. М.: Республика, 1999. 495 с.
16. Hedley D. Coleridge, philosophy and religion. Aids to Reflection and the Mirror of the Spirit. Cambridge: University Press, 2000. 328 p.

References

1. Berdyaev N. *Dukh i real'nost': Osnovy bogochelovecheskoy dukhovnosti. Ya i mir ob'ektov: Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya* [Spirit and Reality: The Basics of the divine-human spirituality. I and the world of objects: Experience the philosophy of solitude and communion]. Moscow.: AST : AST MOSKVA: Khranitel', 2007. 381 p.
2. Burova M.L. *Obrazy nauki v russkoy filosofii XIX–XX vekov: tekst lekt-siy* [Images of science in the Russian philosophy of XIX–XX centuries: the text of the lectures]. St. Petersburg: GUAP, 2013. 53 p.
3. Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow: Nauka, 1991. 271 p.
4. Voznyakevich E.E. *Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rossii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 200-letiyu A.I. Gertsena (20–21 iyunya 2012 g.)* [Alexander Herzen and the historical fate of Russia: Materials of the International Scientific Conference on the 200th anniversary of A.I. Herzen (June 20–21, 2012)]. Moscow: Kanon+, 2013, pp. 362–370.
5. Gertsen A.I. *Sobranie sochineniy*. V 30 t. T. 3 [Collected Papers. The 30 V. V. 3]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1956, pp. 5–88.
6. Kireevskiy I.V. *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow: Iskustvo, 1979, pp. 293–332.
7. Kireevskiy I.V. *O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii* [The nature of Europe's education and its relation to the Russian education]. St. Petersburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2006. 112 p.
8. Mamchur E.A. *Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskie sud'by Rossii: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 200-letiyu A.I. Gertsena (20–21 iyunya 2012 g.)* [Alexander Herzen and the historical fate of Russia: Materials of the International Scientific Conference on the 200th anniversary of A.I. Herzen (June 20–21, 2012)]. Moscow: Kanon+, 2013, pp. 380–386.
9. Nugaev P.M. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 2002. № 11, pp. 124–135.

10. Samarin Yu.F. *Izbrannye trudy* [Selected papers]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 399–408.
11. Solov'ev V.I. *Chteniya o bogochelovechestve Stat'i; Stikhotvoreniya i poema; Iz «Treh razgovorov...»: Kratkaya povest' ob Antikhriste* [Reading about God-manhood Article; Poetry and poems; From «Three Conversations ...»: A brief story about the Antichrist.]. St. Petersburg: Khudozh. Lit., 1994. 528 p.
12. Florenskiy P.A. *U vodorazdelov mysli: V. 2.* [At the watershed of thought]. Moscow: Pravda, 1990. 448 p.
13. Frank S. *Put' [Way]*. 1926. № 4, pp. 145–156.
14. Chaadaev P.Ya. *Stat'i i pis'ma* [Articles and letters]. Moscow: Sovremennik, 1989. 623 p.
15. Chicherin B.N. *Nauka i religiya* [Science and Religion]. Moscow: Respublika, 1999. 495 p.
16. Hedley D. Coleridge, philosophy and religion. *Aids to Reflection and the Mirror of the Spirit*. Cambridge: University Press, 2000. 328 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Вознякевич Екатерина Евгеньевна, доцент, к.ф.н

Обнинский институт атомной энергетики – филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»

*Каширское шоссе, 31, г. Москва, 115409, Российская Федерация
rinav@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vozniakevich Ekaterina Eugenievna, Senior Lecture, PhD

*Obninsk Institute for Nuclear Power Engineering
31, Kashirskoe shosser, Moscow, 115409, Russian Federation
rinav@mail.ru*

SPIN-code: 4865-8802

ORCID: 0000-0001-6595-0769

ResearcherID: H-8928-2016